
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ (к 70-летию начала Великой Отечественной войны)

В. А. СОМОВ

СЛУХИ КАК ФАКТОР ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На основе изучения исторических документов анализируется влияние распространяющихся слухов на формирование трудовой мотивации населения в начальный период Великой Отечественной войны. Автор связывает деструктивное влияние слухов на трудовую мотивацию с чрезвычайной обстановкой войны, а также со сложностью долговременного прогнозирования результатов труда.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, слухи, труд, трудовая мотивация.

Трудовое поведение – это выраженное действием или бездействием отношение человека к труду¹ и его результатам. Сюда относятся любые действия индивида, находящиеся в прямом или косвенном отношении к процессу труда, его цели и задачам, условиям, результату: трудовая активность, перевыполнение трудовых норм, отказ от работы, трудовые конфликты, соблюдение трудовой дисциплины, одобрение и неодобрение условий труда и т. д.

Проблемы в социально-экономической, политической и идеологической сферах во время Великой Отечественной войны, осо-

¹ «В труде... существенна не только техника труда, но и отношение человека к труду. Именно в нем обычно заключены основные мотивы трудовой деятельности человека» (Рубинштейн 1999: 474).

бенно в начальном периоде, были вызваны не только фактором внешней угрозы, но и рядом внутренних факторов. Одним из них был фактор *информационной неопределенности*. Как отмечает И. Г. Скотников (1996: 63), «источником неопределенности выступает дефицит той информации, которая требуется субъекту для решения задачи, либо, напротив, избыток информации. В обоих случаях возникает многоальтернативность выбора решений и поэтому – субъективная неопределенность относительно выбора одной из альтернатив. В силу этого такой выбор представляет для субъекта проблему». Совокупность чрезвычайных факторов, вызванных войной, необходимость выполнять сложные производственные задачи делали проблемную ситуацию практически постоянной «спутницей» трудовой деятельности.

Применительно к трудовому поведению мотивационными факторами можно считать историческую реальность, которая окружала человека в процессе труда и обуславливала его отношение к труду и его результатам. Это относится также и к феномену слухов, которые, являясь результатом отображения в сознании определенных *образов* действительности, сами способны продуцировать определенные эмоции² и, как следствие, материальные поведенческие результаты, выраженные в конструктивной либо деструктивной форме.

С началом Великой Отечественной войны в силу специфических обстоятельств (информационный «голод», недоступность достоверных сведений о положении на фронте, изъятие радиоприемников индивидуального пользования) одной из наиболее ярких реакций общественного сознания на начало и ход военных действий было появление различного рода слухов.

Слухи – сами по себе продукт неизвестности – порождали еще большую неизвестность. А неизвестность всегда вызывает опасение и даже страх. Страх в период войны равносителен панике, а паника, в свою очередь, ведет к потере способности к сопротивлению. В этом смысле распространение слухов было очень опасным для государства. Как известно из социальной психологии, передаваясь по сетям межличностного общения, слухи «являются актив-

² «Действуя, он (человек. – В. С.) не только производит те или иные изменения в природе, в предметном мире, но и воздействует на других людей и сам испытывает воздействия, идущие от них и от своих собственных действий и поступков, изменяющих его взаимоотношения с окружающими» (Рубинштейн 1999: 551).

ными факторами формирования настроений, мнений, а соответственно, поведения людей (здесь и далее курсив мой. – В. С.) и вызываемых ими политических событий» (Назаретян 2005: 72).

Негативный потенциал воздействия слухов на мотивацию труда, а также опасность его реализации в форме паники и пораженческих настроений³ (демотивирующий эффект) не оставляли правительству иного выбора, кроме жесткой регламентации распространения информации. Даже единичные проявления распространения слухов были потенциально очень опасны. Говоря об индивидуальных носителях слуха, А. П. Назаретян (Там же: 54) пишет: «Эти люди становятся источником, от которого страх передается остальным. Происходит взаимная индукция и нагнетание эмоционального напряжения через механизм циркулярной реакции. Далее, если не приняты своевременные меры, масса окончательно деградирует и теряет самоконтроль...»

В первые месяцы Великой Отечественной войны ситуация информационного «голода» породила в сознании некоторой части тылового населения слухи трех известных типов: *слух-желание*, *слух-пугало* и *агрессивный слух* (Там же: 74). При этом необходимо учитывать, что все эти слухи в разной степени отражали негативный для советского государства прогноз исхода войны. Разница заключалась в том, что для одних распространителей слуха поражение СССР в войне было желанием, а для других таило смертельную опасность.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года за распространение в военное время «ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», была установлена уголовная ответственность, а виновные по приговору военного трибунала карались лишением свободы на срок от 2 до 5 лет (Сборник... 1944). Любая интерпретация текущих событий, расходящаяся с официальной линией, могла повлечь за собой уголовную ответственность.

Правовая квалификация распространения «ложных слухов, возбуждавших тревогу среди населения», представляет особый интерес, поскольку не только отражает политику и намерения власти,

³ «Качественно новой особенностью группового настроения является его заразительность, способность быстро передаваться от одних социальных групп к другим» (Парыгин 1966: 72).

но и является неотъемлемой частью исторической реальности, «духом эпохи». Согласно законодательству военного времени преступление, предусмотренное указом, считалось «тяжелым государственным преступлением» (Вышинская 1942: 7). Тяжесть этого преступления заключалась прежде всего в том, что совершивший его гражданин вольно или невольно оказывал помощь врагу.

Интересно, что аналогичная ситуация имела место в период Отечественной войны 1812 года. Приближение Наполеона к Москве вызывало похожую реакцию общественного сознания. Более того, политика правительства в отношении паникеров и распространителей слухов также была сходной. Вот что писал в августе 1812 года в своих «афишах» генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростовчин: «Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуем; все перемелется, мука будет; а берегитесь одного: пьяниц да дураков: они, распустя уши, шатаются, да и другим в уши враспloch надувают. Иной вздумает, что Наполеон с добром идет, а его дело кожу драть: обещает все, а выйдет ничего... И для сего прошу: если кто из наших, или из чужих станет его восхвалять и сулить и то и другой, то какой бы он ни был, за хохол да на съезжую! Тот, кто возьмет, тому честь и слава и награда; а кого возьмут, с тем я разделюсь, хоть пяти пядей буди во лбу!» (цит. по: Борсук 1912: 10).

Искаженная (ложная) информация оказывала влияние на мотивационный выбор индивида, во многом определяла его поведение. В этом выражался демотивирующий потенциал слухов: «Пытаясь подорвать *дисциплину, организованность и спокойствие* граждан нашего социалистического государства, враг действует всяческими методами и всяческими средствами. Распространяя ложные слухи, враг использует для этой цели трусов, паникеров, деклассированных, неустойчивых людей. Люди, распространяющие ложные слухи, возбуждающие тревогу среди населения, – опаснейшие враги, особенно в условиях военного времени» (Вышинская 1942: 7). Примечательно, что круг пособников фашистов в подрыве «дисциплины и спокойствия» обозначен довольно широко. Практически *любой* мог попасть под такую квалификацию, и этим, в частности, достигался наибольший эффект информационного контроля.

Для определения состава преступления, предусмотренного этим указом, необходимо было, во-первых, установить, «что слух является ложным, т. е. не соответствует действительности» (Там же).

На практике сделать это было чрезвычайно сложно, особенно когда предметом слухов была информация о силе германской армии, о хорошем обращении с пленными и т. д. Тем более что слухи в отдельных случаях соответствовали действительности. Например, некто Мошков утверждал в сентябре 1941 года, что находился в плену у немцев со 2 по 9 августа. Приехав на родину в Уренский район Горьковской области, стал распространять информацию, квалифицированную прокуратурой как слухи: «В газетах наших пишут о том, что немцы издеваются над пленными красноармейцами. Это все ложь. Я сам был в плену, меня кормили хорошо, обращались тоже хорошо, а пленных красноармейцев отправляют в плен и там с ними ничего не делают, а когда меня отпустили домой, мне на дорогу всего надавали из продуктов, дали пропуска и показали дорогу» (ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2121. Л. 53). Подобные заявления имели реальные основания. По утверждению Б. Н. Ковалева (2004: 272–483), немцы часто использовали именно такую тактику в пропагандистской информационной кампании в начальный период войны.

Поэтому в чрезвычайных условиях войны ложным слухом считалось все, что не соответствовало официальной информации.

Во-вторых, необходимо было выяснить, что «ложный слух» был распространен, т. е. передан одному или нескольким лицам, что он распространялся в военное время и вызывал тревогу среди населения (Вышинская 1942: 7).

Советское законодательство уделяло особое внимание именно результату воздействия слуха на сознание граждан – возбуждению тревоги. «Следует иметь в виду, – писала З. Вышинская, – что слово “возбуждает” нужно понимать как в том смысле, что тревога действительно последовала, так и в том смысле, что распространяемые ложные слухи *только могли* возбудить тревогу среди населения» (Там же). Эти слова как нельзя более точно отражают степень опасности, которую власть видела в демотивирующем потенциале слухов.

Распространение слухов, как и любая форма вины в советском уголовном праве, могло иметь основой либо умысел, либо неосторожность обвиняемого. От этого зависела мера наказания. Если слух распространялся неумышленно, по неосторожности – виновному назначалось наказание, предусмотренное указом. Если же

человек действовал умышленно, его действия квалифицировались по ст. 58-7⁴, 58-10 УК РСФСР. В случае, когда целью виновного было оказание содействия врагу, он объявлялся изменником родины и подлежал уголовной ответственности по ст. 58-1а⁵ УК РСФСР (Вышинская 1942: 7).

Такое внимание власти к юридическому определению и квалификации распространения слухов как политического преступления, несомненно, говорит о повышенной потенциальной опасности, которой обладали слухи. В первую очередь это относилось к трудовому поведению.

Согласно сводкам Кировского обкома ВКП(б) за период с 23 июня по 2 июля 1941 года, несмотря на наблюдавшееся после выступления по радио В. М. Молотова идейно-политическое единство, настроения некоторых граждан отличались явным диссонансом. Прежде всего это было вызвано страхом перед врагом.

Работница кировского машиностроительного завода Петрова рассказывала, что в Киров уже прибыли пять вагонов раненых (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 61). Этот слух, скорее всего, был вызван действительно активным продвижением эшелонов через Киров на восток страны (Калеватова 2005: 31). Житель Котельничского района Кировской области В. П. Астраханцев 25 июня 1941 года, как об этом говорилось в документе, вел антисоветскую агитацию среди школьников: «Не верьте газетам. В сводках о ходе военных действий о наших потерях говорится неверно, фактически убивают наших больше, а в газетах уменьшается» (ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 63). Он же, встретив бывшего председателя колхоза деревни Гребеняты Пестова, сказал ему: «Ты был председатель колхоза, теперь пощады не жди. Вот Гитлер придет, сумеет с вами расправиться» (Там же).

⁴ «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно в кооперации, совершенный в контрреволюционных целях», влек за собой «высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства Союза ССР» (Уголовный... 1942: 26).

⁵ «Измена родине, т. е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются – высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества» (Там же: 24–25).

В отчете прокурора Горьковской области за июль 1941 года сообщалось, что с 10 по 18 июля 1941 года было возбуждено 6 дел по указу от 6 июля. По двум делам преступление было переквалифицировано по ст. 58-10 УК, поскольку они содержали высказывания контрреволюционного характера (ЦАНО. Ф. 5980. Оп. 2. Д. 14. Л. 26). Наиболее злостный, по мнению прокурора области, случай распространения ложных слухов произошел в Ивановском районе: «Единоличники Беляев Г. Ф. и Куликов П. И. среди отдельных граждан распространяли слух, что Советское правительство из г. Москвы выехало неизвестно куда и что колхозному строю наступает крах» (Там же). Беляев и Куликов были арестованы.

Среди привлеченных к уголовной ответственности за распространение слухов (из числа 6 дел) характерным было дело М. Н. Котовой 1895 года рождения. На Советской площади у репродуктора она заявила, что Гитлер будет в Москве 10 августа, что у него хватит хлеба на 25 лет, что против СССР выступили все страны и что Германия значительно лучше вооружена, чем СССР (Там же: Л. 31 об.).

Осенью 1941 года положение на фронте было очень тяжелым, и это отразилось на настроениях населения, в том числе распространением слухов. Но в отличие от июня-июля принятые властью мероприятия привели, в частности, к тому, что «сознательные» граждане старались сами пресекать деструктивное влияние распространителей слухов. Например, 12 октября в Горьковский обком ВКП(б) поступило заявление от начальника горьковской Теплоцентрали Фесенко. Он извещал обком о том, что работавший у него мастером П. М. Чайкин «среди рабочих распространяет провокационные слухи, пускаемые фашистами» (ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2106. Л. 43). Расследование этого дела установило, что Чайкин имел радиоприемник индивидуального пользования СИ-235 и принимал фашистские радиопередачи, а затем, видимо, не считал нужным держать это в тайне и рассказывал их содержание коллегам по работе.

15 октября 1941 года горьковский историк Н. М. Добротвор сделал в своем дневнике следующую запись: «В народе создается неладное настроение. Главная беда, что народ не знает, каково истинное положение на фронте. Живем совершенно впотьмах. А отсюда, вполне естественно, живут слухами, нередко исходящими из враждебного лагеря» (Забвению... 1995: 519). Далее автор обраца-

ет внимание на демотивирующий характер слухов и недостатка информации: «Ясно, что от нас скрывают положение дел на фронте. И это более всего сеет панику. Я это вижу ясно... Ясность, осведомленность (в пределах дозволенного по условиям военного времени) лучшее средство в борьбе с паникерством» (Там же).

Особенно негативно отсутствие информации и слухи воздействовали на прогностические компоненты сознательной деятельности, придавали пессимизм ожиданиям и становились демотивирующим фактором. Например, 18-летний В. П. Киселев 26 октября 1941 года сделал в своем дневнике следующую запись: «Через нашу деревню постоянно идут то войска из Москвы, то беженцы. Унылые лица. Множество слухов. У нас в деревне уже готовятся покидать “насиженные гнезда”. А куда?.. *Впереди – мрак, неизвестность, не сулящая ничего хорошего*» (Общество... 2005: 1001).

Действительно, население тыловых областей вынуждено было восполнять информационный пробел, воспринимая информацию, поступающую по неофициальным каналам, которая квалифицировалась властью как слухи. Об этом, в частности, говорилось в материалах Горьковского обкома ВКП(б) 18 ноября 1941 года по поводу деревни Афонино, которая находилась на большом тракте и в которой проездом останавливались «немало эвакуированных из разных городов, а также лица, едущие отбывать принудработы». Останавливаясь в деревне на ночлег, они рассказывали, как об этом говорилось в материалах обкома, «немало небылиц, которые повторяются наиболее несознательными женщинами». Особое внимание в документе обращалось на то, что новости в этой деревне «узнают, главным образом, не из газет и не от агитаторов, а от распространителей слухов» (Забвению... 1995: 506).

Особенно тревожило население, естественно, положение на фронте, прогнозировалась гипотетическая возможность продвижения врага вглубь страны. От этого во многом зависела направленность поведенческой реакции человека. Например, в Воротынском районе Горьковской области некто Кабанов «вел агитацию за убой скота, советовал сушить сухари». «Надо убивать свиней и коров, – говорил он, – и продавать, все равно Гитлер придет» (Там же).

Характерно, что такие разговоры деструктивно воздействовали на желание трудиться остальных рабочих, оказывали демотиви-

рующее воздействие: если враг так силен, а его приход неизбежен, теряется смысл интенсивного и вообще любого труда.

В октябре 1941 года в Саранском районе Мордовской АССР было отмечено негативное влияние информации о приближении фронта на мотивацию труда. В докладной записке секретаря Саранского райкома Учаева говорилось: «...Среди колхозников антисоветские элементы усилили свою деятельность, антисоветскую агитацию о том, что “недалеко фронт, Мордовия будет эвакуироваться, все заработанное в колхозе пропадет”... в итоге чего ослабла трудовая дисциплина в колхозах, наблюдался массовый невыход на работу и т. д... Такие разговоры исходят, в первую очередь, от эвакуированного населения» (Мордовия... 1995: 147).

Нужно отметить, что осужденные по Указу от 6 июля 1941 года количественно составляли незначительное меньшинство граждан, большинство же были осторожнее в высказываниях. По неполным данным, представленным 19 декабря 1941 года заместителем начальника следственного отдела прокуратуры СССР М. Альшулера исполняющему обязанности прокурора СССР Г. Н. Сафонову, по состоянию на 1 ноября 1941 года в стране к уголовной ответственности по этому указу было привлечено 1423 человека. Из них в местностях, не объявленных на военном положении, – 513. Сроки осуждения: до трех лет – 266 человек, до пяти лет – 220. Характер распространяемых слухов определялся как «самый разнообразный», но преобладали слухи о «положении на фронте, экономическом положении в стране, отношении немцев к пленным красноармейцам и мирному населению» (ГАРФ. Ф. 8131 сч. Оп. 37. Д. 587. Л. 1).

Мотивационная сфера трудового поведения в начальный период Великой Отечественной войны во многом формировалась *информационно-идеологическими факторами*. Сложность долговременного прогнозирования, информационная блокада, непосредственное наблюдение негативных последствий начала войны сводили к минимуму возможность возникновения в сознании индивида самостоятельного *настроя* на высокую трудоотдачу. В зависимости от характера информации и канала ее передачи она могла стать как мотивирующим, так и демотивирующим фактором. Содержание информации, форма ее подачи вызывали у трудящихся определенные эмоции (базовые эмоции – страх, гнев, радость и их производные). В зависимости от направленности эмоций информация играла роль мотивирующего или демотивирующего фактора.

Опасность слухов заключалась в их способности активизировать деструктивные мотивы в поведении. Поэтому несмотря на то, что слухи, порой неумышленно передаваемые словоохотливыми гражданами, зачастую были достоверными, т. е. соответствующими действительности, наказание за их распространение было суровым.

В такой ситуации военной необходимостью можно считать существование государственного информационно-идеологического контроля; он поддерживал мотивацию труда тем, что блокировал информацию, которая могла подействовать деструктивно, в частности слухи. Одним из методов блокирования (помимо изъятия радиоприемников и ужесточения наказания за распространение слухов) можно считать удовлетворение потребности населения в информации в основном за счет «позитива» с использованием государственного радиовещания. Такая информация вселяла надежду на успех и усиливала мотивацию труда.

Одним из самых эффективных средств осуществления информационно-идеологического воздействия было радио. Как отмечает Т. М. Горяева, опираясь на исследования Института мозга и работы Ю. М. Лотмана, «сила воздействия голоса без изображения на сознание человека обладает уникальными свойствами. Видеть говорящего – значит понимать, что мы слышим мнение одного конкретного человека, с которым мы можем не соглашаться. Голосневидимка претендует на большее – на абсолютную истину в последней инстанции» (Горяева 2000: 4). Кроме того, радио обладает некоторыми специфическими характеристиками и функциями информирования населения. Это оперативность, которая в критических ситуациях выходит на первый план, и манипулятивная функция (Там же: 8, 31), которая составляет один из главных элементов системы информационно-идеологического контроля.

Психологическое воздействие на сознание человека связано с тем, что радио, «ориентированное прежде всего на слуховое восприятие, воздействует более других на воображение человека... Радио возбуждает фантазию, стимулирует чувства и тем самым дает работу и мышлению, и неосознанным эмоциям» (Шерель 2005: 106).

23 декабря 1941 года в 18.00 по московскому времени в эфире радиостанции им. Коминтерна прозвучала статья «Не так страшен черт, как его малюют», в которой особое внимание было уделено связи неуверенности в победе с распространением слухов и деятельностью фашистской пропаганды. Снизить страх перед врагом

должны были следующие слова, сознательно принижающие успехи немецкой армии в Европе: «Военная прогулка немцев по Западной Европе удалась им благодаря численному перевесу в технике и в людях <...> Большую роль сыграла в этом и вражеская пропаганда, которая сеяла повсюду панические слухи, подрывала стойкость и боевой дух армий противника, возбуждала неуверенность в своих силах и у народа, и у солдат подвергшейся нападению страны» (ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 17. Д. 7. Л. 8–9). Кроме прямого указания на причины поражения европейских стран в передаче косвенно проводилась главная мысль: возможность победы СССР тесно связана с недопущением подобных настроений.

Советская информационно-идеологическая машина в начальный период войны активно боролась против создаваемого вражеской пропагандой позитивного образа немецких оккупационных властей. В печати и по радио в большом количестве распространялась информация о зверствах фашистов, о массовых убийствах мирных жителей. В то же время, как показано в современных исследованиях (Ковалев 2004), среди населения прифронтовых областей активно циркулировали слухи о восстановлении немцами на оккупированной территории дореволюционных порядков, что выглядело весьма привлекательным для некоторых советских граждан. Содержание радиопередач в этот период раскрывает сущность информационно-идеологического воздействия на сознание «неустойчивой» части рабочих и крестьян.

Например, в передаче «Гитлеровцы – злейшие враги советского крестьянства», прозвучавшей в эфире 29 декабря 1941 года, приводились примеры негативного отношения захватчиков к колхозникам на оккупированной территории. При этом цензура применила метод сокрытия информации, дабы она не вызывала ненужных власти вопросов и аналогий. В первоначальном варианте текста радиопередачи говорилось: «Фашисты забирают себе весь хлеб, все имущество колхоза. Они сохраняют колхозы в качестве крупных хозяйств, работающих на немецкую армию, заставляют крестьян работать даром, а иногда обещают давать им одну шестую или даже седьмую часть, но на деле и этого не делают». После правки цензора в эфире прозвучала лишь первая фраза (ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 7. Л. 317). Информация о том, что немцы не только не уничтожают население, но и сохранили колхозы и обещают за ра-

боту в них часть урожая, могла существенно снизить мотивацию и желание колхозников трудиться в советских колхозах, добывая пропитание на собственном подсобном участке.

Фраза: «В деревнях Ленинградской области ежедневно гонят население на принудительные работы» – была допущена цензором к эфиру, поскольку не представляла в этот период излишне опасной аналогии с советской трудовой политикой – трудовая повинность в СССР оставалась все же чрезвычайной, а не ординарной формой организации труда. Но в эту фразу цензором было добавлено уточнение. Получилось: «В деревнях Ленинградской области, захваченных временно...» (ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 7. Л. 322). Это дополнение полностью соответствовало политике формирования в сознании населения уверенности в победе и должно было блокировать ощущение неизвестности, неопределенности относительно перспектив развития ситуации на фронте.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Распространение слухов было характерным проявлением массового сознания в начальный период Великой Отечественной войны. Причинами этого были слабая информированность о положении на фронте и чрезвычайная важность получения этой информации в любой форме для самостоятельной «поведенческой ориентации» населения.

2. Содержание большинства слухов выражало преувеличенные оценки военной мощи гитлеровской Германии, отрицательное отношение к советскому правительству и негативный для СССР прогноз завершения войны.

3. Такие слухи разрушали трудовую мотивацию, придавали характер бессмысленности любой деятельности, направленной на увеличение обороноспособности государства.

4. Столкновение официальной и неофициальной информации в сознании трудящегося приводило к повышению критичности в отношении власти и проводимых ею мероприятий. Возрастала неуверенность в верности идеологической концепции, способности отстоять независимость государства. Поэтому власть уделяла серьезное внимание идеологическому воздействию и блокированию негативной информации.

5. Информационно-идеологический контроль в период Великой Отечественной войны был обусловлен конкретно-историчес-

кой необходимостью. Есть серьезные основания говорить о нем не только как о «продукте эпохи», но и как о факторе, способствовавшем в конечном счете достижению Победы.

Литература

Борсук, Н. В. 1912. *Ростовчинские афиши*. СПб.: Б. и.

Вышинская, З. 1942. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные вопросы в указах военного времени. *Социалистическая законность* 3–4: 7–12.

Горяева, Т. М. 2000. *Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – начале 1930-х годов. Документированная история*. М.: РОССПЭН.

Забвению не подлежит: Страницы нижегородской истории (1941–1945 годы). Книга третья / сост. Л. П. Гордеева, В. А. Казаков, В. П. Киселев, В. В. Смирнов. Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1995.

Калеватова, А. И. 2005. В те далекие годы (из воспоминаний ветерана). *Вклад Кировчан в достижение Победы: Материалы областной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов*. Киров: Триада плюс.

Ковалев, Б. Н. 2004. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России в 1941–1944*. М.: АСТ; Транзиткнига.

Мордовия. 1941–1945: сб. документов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995.

Назаретян, А. П. 2005. *Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании*: уч. пособ. для студентов вузов. М.: Академия.

Общество и власть. Российская провинция: в 3 т. Т. 3. Июнь 1941 г. – 1953 г. М.: ИРИ РАН, 2005.

Парыгин, Б. Д. 1966. *Общественное настроение*. М.: Мысль.

Рубинштейн, С. Л. 1999. *Основы общей психологии*. СПб.: Питер.

Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938 – июнь 1944. М.: Издание «Ведомостей Верховного Совета», 1944.

Скотников, И. Г. 1996. Психологическая структура проблемных ситуаций: пороговые задачи и индивидуально-стилевые механизмы их решения. *Психология труда в условиях проблемных ситуаций*: межвуз. сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та.

Уголовный Кодекс РСФСР редакции 1926 г. М.: Изд-во НКЮ Союза ССР, 1942.

Шерель, А. А. (ред.) 2005. *Радиожурналистика*: учеб. М.: Изд-во МГУ; Наука.

Архивы:

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАСПИКО – Государственный архив социально-политической истории Кировской области.

ГОПАНО – Государственный общественно-политический архив Нижегородской области.

ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области.